

Вдруг раздался тихий стук в дверь. Чэн Фань вздрогнул от неожиданности, и письмо выскользнуло из его расслабившихся пальцев на пол.

Из-за двери донесся вежливый голос дяди Чэня:

— Младший молодой господин, к вам пришел молодой господин Юйчэнь. Ждет вас внизу, зовет развестись.

Чэн Фань поспешно отозвался:

— Сейчас переоденусь и спущусь!

Он поднял лист бумаги, секунду поколебался и вернул его на письменный стол. Выбрав из гардероба мягкий трикотажный кардиган теплого песочного оттенка, он накинул его и сошел по лестнице.

Се Юйчэнь увлеченно листал что-то в телефоне. Заслышав шаги, он поднял голову и весело улыбнулся:

— Невестушка! В Синьчэне открылась мастерская, где можно самому сделать глиняную посуду. Не хочешь съездить за компанию?

Чэн Фань заинтересовался:

— Самим лепить из глины?

— Ну да, — кивнул тот.

Поразмыслив немного, Чэн Фань согласился:

— Почему бы и нет. Поехали.

В этот раз Се Юйчэнь вел машину сам, без водителя. Из динамиков гремел ритмичный современный поп-хит, наполняя салон дерзкой энергией. Чэн Фань почти не поддерживал разговор. Откинувшись на спинку кресла, он лениво скользил взглядом по расцветающим весенним улицам, и мысли его постепенно уносились далеко отсюда.

Его волновало другое.

«Интересно, с каким лицом проснулся сегодня утром Се Чунъянь?»

В конце концов, они проспали в обнимку до самого рассвета.

Салон автомобиля был просторным. Чэн Фань изящно закинул ногу на ногу, приняв нарочито неприступный и горделивый вид.

«Если Чунъянь был в трезвом уме и все равно обнимал меня... значит, я ему точно небезразличен. Но почему тогда он до сих пор не объяснился? Даже если есть шанс, что я откажу, первый шаг все равно должен сделать он».

Мысленно Чэн Фань вычел у Се Чунъяня несколько баллов из его рейтинга и твердо решил: так просто он на эти ухаживания не поддастся.

В гончарной мастерской хозяин встретил их с распростертыми объятиями. Он проводил гостей к самому залитому светом окну с живописным видом и принялся объяснять азы ремесла. На выбор предлагались самые разные эскизы — от простых ученических плоских до сложных изделий профессионального уровня, которые не стыдно выставить на продажу. Новичкам обычно советовали начинать с элементарного, однако внимание Чэн Фаня привлек изящный парный комплект: вазы, украшенные рельефными лебедями. Он решил попробовать свои силы именно на них.

Се Юйчэнь искренне изумился:

— Невестушка, да это же уровень полноценного товара на продажу! Ты уверен, что справишься?

Чэн Фань опустил пушистые ресницы:

— Да. В детстве я видел, как этим занимался наш дворецкий. Кое-что умею.

Се Юйчэнь тут же рассыпался в восторгах:

— Какая же у меня невестка потрясающая! Брату несказанно повезло, сокровище отхватил.

От этих слов на щеках Чэн Фаня проступил едва заметный румянец смущения. Натянув защитные перчатки и нарукавники, он сосредоточенно принялся за работу под руководством мастера.

За утро обе вазы обрели безупречные очертания. Оставалось лишь покрыть их глазурью и расписать.

Гончар не скрывал восхищения:

— Форма идеальная! Дайте мне расписать их для вас, и получится настоящий шедевр на продажу.

Чэн Фань мягко остановил его:

— Спасибо, но я бы хотел нанести роспись сам.

На вазах красовался нежный рельефный узор из цветов шелковой акации, издавна символизирующих счастливый супружеский союз. Чэн Фань аккуратно макал кисть в минеральную краску. Слегка подавшись вперед, он выводил каждый лепесток с предельной точностью, боясь испортить работу малейшим неверным движением.

Широкие рукава его песочного кардигана были небрежно подвернуты, обнажая тонкие белые запястья. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь стекло, мягко очерчивали его силуэт, рождая завораживающую игру света и тени — готовую картину для художественной галереи. Се Юйчэнь не удержался и незаметно сделал несколько снимков на телефон.

К концу дня готовые изделия достали из печи, и хозяин лавки бережно упаковал их в плотную бумагу.

Се Юйчэнь замороженно коснулся глянцевого бока вазы:

— Невестушка, подари их мне, а? Поставлю у изголовья кровати — по одной с каждой стороны, будет идеально.

Чэн Фань покачал головой:

— Нет. Это моя первая серьезная работа, выполненная от начала до конца. Я оставляю ее себе.

На самом деле Юйчэнь просто хотел привезти их домой и прихвастнуть перед старшим братом, но раз Чэн Фань ответил отказом, пришлось умерить аппетиты. Впрочем, он быстро нашелся:

— Слушай, Чунъянь ведь тоже обожает хорошую керамику. Мне кажется, эти вазы идеально смотрелись бы у него в кабинете. Давай отвезем их к нему в офис?

Пальцы Чэн Фаня, гладившие оберточную бумагу, замерли. В компании Се Чунъяня он еще ни разу не был.

— Не поеду. И дарить ему ничего не собираюсь.

— Ну же! — заулыбался Юйчэнь. — У брата там такой крутой письменный стол, но совершенно пустой. Если поставить туда твоих лебедей, он каждую секунду за работой будет думать только о тебе.

Чэн Фань опустил взгляд на коробку.

«Если он и впрямь меня любит, то должен думать обо мне и без всяких ваз».

— Поехали, ну пожалуйста! — Юйчэнь легонько потянул его за рукав. — Заодно пообедаем в их служебной столовой, там безумно вкусно готовят.

Поддавшись на уговоры, Чэн Фань позволил увлечь себя к машине.

Всю дорогу он бережно держал коробку на коленях. Налитые свинцом глиняные вазы казались на удивление тяжелыми, но убирать их на заднее сиденье он наотрез отказался.

Офис корпорации «Сеши». Кабинет генерального директора

Се Чунъянь протянул папку с документами сидевшему напротив юноше:

— Обязанности помощника по административным вопросам — это не самая легкая работа. Пусть секретарь Цинь введет тебя в курс дела.

Ван Наньчу вежливо улыбнулся в ответ:

— Спасибо вам огромное, брат Чунъянь. У отца на службе совсем другое направление, никак не связанное с моей учебой, так что устроить меня на летнюю стажировку было настоящим спасением. Вот получу первую зарплату — куплю подарки родителям, своему парню, ну и для вас подготовлю один особенный сюрприз!

Се Чунъянь негромко усмехнулся:

— К чему такие траты. Рад помочь, пустяки.

Ван Наньчу учился лишь на первом курсе, но отлично помнил наставления отца быть вежливым и благодарным.

— Позвольте мне пригласить вас на ужин. Вы свободны сегодня вечером?

Се Чунъянь бросил мимолетный взгляд на наручные часы:

— Дел сегодня невопорот. Давай пообедаем прямо здесь, в нашей столовой.

— Хорошо, — понимающе кивнул Ван Наньчу. — Тогда я схожу за едой, а вы пока отдохните.

Ван Наньчу все-таки был сыном директора Вана, и отправлять его на побегушках в первый же рабочий день Се Чунъяню казалось не совсем этичным.

— Пусть кто-нибудь принесет обед сюда, а ты пока займись оформлением документов и заполни анкету.

— Понял! — живо согласился стажер.

По коридорам главного офиса Се Юйчэнь и Чэн Фань шли совершенно беспрепятственно. Заметив, что Чэн Фань по-прежнему мертвой хваткой держит коробку, Юйчэнь не удержался от подколки:

— Невестушка, ты же уверял, что ни за что не подаришь вазы Чунъяню. Зачем тогда тащишь их на себе, вместо того чтобы оставить в машине?

Чэн Фань холодно парировал:

— Я подумал, что эти уродливые штуковины только испортят интерьер моего дома.

Юйчэнь прыснул со смеху:

— Ох уж эта твоя гордость!

Завидев Чэн Фаня, вышедшего из лифта, секретарь Цинь тут же приложил пропуск к турникету, провожая его в закрытую зону руководства, и вежливо постучал в массивную дверь кабинета.

— Войдите, — донеслось изнутри.

Се Юйчэнь толкнул дверь и пропустил Чэн Фаня вперед.

Первое, что бросилось Чэн Фаню в глаза, когда они вошли — Се Чунъянь, сидевший на диване. Напротив него устроился незнакомый симпатичный парень. На журнальном столике были расставлены контейнеры с едой. Юноша увлеченно рассказывал какую-то забавную историю, лучезарно улыбаясь, а Се Чунъянь слушал его с непривычно мягким, расслабленным лицом, явно наслаждаясь этой непринужденной атмосферой.

Заметив вошедших, Се Чунъянь непринужденно произнес:

— Почему не предупредили, что приедете?

Чэн Фань, крепко прижимавший к себе тяжелую коробку, ожёг его ледяным взглядом:

— Похоже, мы явились не вовремя?

Се Чунъянь не сразу понял, почему тон юноши так внезапно стал колючим, но, списав это на его обычные капризы, ласково поинтересовался:

— Вы голодны?

Се Юйчэнь тут же удрученно вздохнул:

— Еще как! Мы с невесткой весь день на ногах провели, приехали к тебе подкормиться.

Услышав слово «невестка», Ван Наньчу спешно вытер салфеткой губы и вежливо поднялся с места, приветствуя гостей кивком:

— Здравствуйте.

Юйчэнь близко дружил с парнем Ван Наньчу, поэтому тепло улыбнулся ему в ответ.

Се Чунъянь поднялся:

— Если хотите есть, спустимся в столовую или закажем что-нибудь?

Ван Наньчу тут же поднял руку:

— Брат Чунъянь, я знаю отличный ресторанчик неподалеку. Если местная кухня кому-то не по вкусу, могу быстро оформить доставку.

— Отлично, — мягко улыбнулся Се Чунъянь и перевел взгляд на Чэн Фаня. — Чего бы тебе хотелось?

Пальцы Чэн Фаня до побеления сжали картонные края коробки. В груди разлилась удушающая горечь.

— Я не голоден. Возвращаюсь домой.

— Эй, невестушка, ты чего? Совсем не проголодался? — растерянно окликнул его Юйчэнь, но Чэн Фань даже не обернулся. Развернувшись на каблуках, он стремительно вышел из кабинета.

Се Чунъянь тут же зашагал следом:

— Я поговорю с ним.

Чэн Фань шел по длинному коридору невероятно быстро, низко опустив голову. Внутри у него все так сжалось от холода, точно он внезапно оказался один посреди зимней стужи. Пока он ждал лифт, Се Чунъянь нагнал его и преградил путь:

— Чэн Фань, что случилось? Тебе нездоровится?

— Все нормально, — Чэн Фань упорно смотрел себе под ноги.

Се Чунъянь, разумеется, видел, что тот снова обижен на весь белый свет, и постарался говорить как можно мягче:

— Давай поедим, а потом вместе поедем домой?

— Нет необходимости, — бросил Чэн Фань, демонстративно отвернувшись.

Долгий рабочий день давал о себе знать, усталость навалилась на плечи Се Чунъяня тяжелым грузом. Он тихо вздохнул:

— Объясни хотя бы, почему ты злишься?

Чэн Фань ледяным тоном ответил:

— Мое настроение тебя не касается. Вместо того чтобы тратить на меня время, шел бы и дальше мило обедал.

Се Чунъянь на секунду растерялся, и тут до него дошло: юноша элементарно приревновал его.

В этот момент двери лифта с тихим звоном открылись, и на площадку вышел юрист Ма с толстой кожаной папкой в руках. Заметив стоявших в коридоре супругов, он вежливо поклонился:

— Господин Се, господин Чэн, добрый день. Я подготовил новый вариант вашего соглашения о расторжении брака. Достаточно просто поставить подписи.

Слова юриста прозвучали как гром среди ясного неба. Чэн Фань резко вскинул голову.

Мир вокруг него словно замер на мгновение, а затем рухнул, обнажая неприглядную правду. Он стоял посреди шикарного офиса, глупо прижимая к груди коробку с вазами, которые делал весь день с мыслями о счастливом будущем. Какой же нелепостью теперь казалось его поведение.

Горло сдавило спазмом, глаза обожгло непрошеными слезами, но он отчаянно заставил себя сдержаться. Резким, сухим движением он протянул руку к юристу:

— Мой экземпляр. Живее.

Юрист Ма растерянно перевел взгляд на Се Чунъяня, не зная, как поступить:

— Эм... Может быть, пройдем в кабинет для подписания?

— Не нужно. Дайте мне бумагу, — отрезал Чэн Фань. Перехватив протянутые листы, он вошел в кабину лифта и сразу нажал кнопку закрытия дверей, не поднимая воспаленных глаз.

В сужающемся зазоре закрывающихся створок отразился сложный, нечитаемый взгляд Се Чунъяня, который так и остался стоять на месте.

Когда Чэн Фань вернулся домой, старый дворецкий дядя Чэнь подрезал кусты в палисаднике. Заметив бледность и отрешенность юноши, он счел это обычной усталостью после долгого дня и не стал приставать с расспросами, лишь молча кивнул и отправился на задний двор.

В своей комнате Чэн Фань первым делом поставил несчастную коробку на письменный стол.

Почувствовав присутствие хозяина, на стол тут же грациозно вспрыгнул котенок Момо. Он преданно заглядывал Чэн Фаню в лицо, смешно склоняя голову набок и призывая поиграть, но быстро почувствовал, что с его маленьким хозяином творится что-то неладное. Котенок тихонько замер рядом, уткнувшись пушистым боком в его ладонь.

Чэн Фань абсолютно безучастно смотрел на злополучное любовное послание, сиротливо лежавшее на краю столешницы.

«Все это время я просто тешил себя иллюзиями».

В его голове никак не укладывалось поведение Се Чунъяня. Зачем нужны были эти нежные прикосновения, забота, объятия по ночам, если в его планах по-прежнему стоял развод? Неужели это была обычная вежливость? Или просто жалость?

Дрожащими руками Чэн Фань взял со стола ножницы и аккуратно разрезал плотную подкладку конверта, решив докопаться до сути.

Из потайного кармашка выпал аккуратно сложенный листок. Строчки, выведенные каллиграфическим почерком, наконец открыли имя того, кому принадлежало это сердце:

«Пишу тебе это тайком, в часы, когда весь мир спит. Надеюсь, однажды ты прочтешь эти строки и вспомнишь обо мне. Твой Чэнь Мусин».

Первая слеза сорвалась с ресниц и глухо упала на тонкую бумагу, мгновенно размывая чернила.

За ней последовала вторая, третья... Вскоре влажные пятна покрыли весь лист.

Все встало на свои места. Это было признание от Чэнь Мусина — той самой «первой любви», которую Се Чунъянь так бережно хранил в памяти.

Каким же жалким и глупым он выглядел все эти дни со своими капризами, ревностью и робкими надеждами.

Чэн Фань яростно кулаками растирал слезы по лицу, приказывая себе успокоиться.

«Я не буду плакать. Мне совсем не больно. Какая разница? Ведь я никогда его не любил. Я всегда был один, справлюсь и сейчас».

Но хрупкая броня самообмана мгновенно рассыпалась в прах, стоило ему вновь перевести взгляд на аккуратно выведенные иероглифы чужого имени. Сдерживаться больше не было сил. Чэн Фань уронил голову на сложенные руки прямо на холодную поверхность стола, и горькие, удушающие рыдания сотрясли его хрупкое тело.

Спустя бесконечно долгий час он наконец поднялся. Лицо его было бледным, глаза припухли и покраснели. Достав из шкафа пыльный чемодан, он равнодушно бросил туда несколько самых необходимых вещей. Затем подошел к кровати, взял со стола соглашение о разводе, уверенно вывел размашистую подпись под своей фамилией и положил скрепленные листы ровно по центру покрывала.

Возможно, Се Чунъянь вообще ни в чем не виноват.

Единственной его ошибкой было то, что прошлой ночью, будучи абсолютно трезвым, он позволял себе обнимать его так долго и нежно, даря ложное ощущение безопасности.

Чэн Фань готов был признать: когда суровая реальность обнажилась, его былая гордость мгновенно сменилась уязвимостью и глубокой неуверенностью в себе. Перед этой идеальной «первой любовью» он чувствовал себя беззащитным ребенком.

Момо тихонько поскреб лапкой его кроссовку, вопросительно заглядывая снизу вверх.

Чэн Фань опустился на корточки, ласково погладил пушистую голову питомца и тихо спросил:

— Хочешь уйти со мной? Если боишься трудностей, ты можешь остаться здесь. В этом доме тебя никто не обидит.

В ответ котенок лишь громче замурчал и преданно прижался к его ноге.

Чэн Фань осторожно взял малыша на руки, чувствуя, как новые слезы застилают обзор:

— Тогда уходим. Это место никогда не было нашим домом.

Глубокой темной ночью, под покровом абсолютной тишины огромного особняка, Чэн Фань тихонько катил за собой чемодан. Прижимая к груди единственное живое существо, которое

действительно дорожило им, он навсегда покинул владения семьи Се.

<http://bllate.org/book/19809/1996180>